

Даже в состоянии души можно быть упитанным или худощавым. Глядя на невозмутимый вид Цинь Цяньцзе, Юнь Цинъи невольно коснулся своих щек — кажется, они и вправду стали чуть более впалыми.

— Завтра уже заезд на съемочную площадку, давай обсудим детали, — предложил Цинь Цяньцзе. Для него это были первые съемки: опыт в драках и воспитании людей у него имелся огромный, а вот в актерском мастерстве — полный ноль.

Юнь Цинъи заглянул на Склад навыков. Тот самый навык, о котором он грезил во сне и наяву, теперь переливался мягким, гармоничным светом. Юнь Цинъи легким движением руки списал 365 очков изменений.

— ?? Что ты купил? 365 очков, транжира ты эдакий! — Цинь Цяньцзе, взглянув на давно не виденный двузначный остаток, чуть не прослезился.

— Воспользуешься — узнаешь.

Как только Юнь Цинъи закончил фразу, поток белого света влился в сознание Цинь Цяньцзе. Юнь Цинъи наугад процитировал несколько реплик из сценария «Бедствия ветра и облаков», и Цинь Цяньцзе, словно сработал рефлекс, не задумываясь, подхватил диалог, не запнувшись ни на слове. Цинь Цяньцзе в ужасе прикрыл рот рукой:

— Что со мной происходит?

Юнь Цинъи усмехнулся и указал ему на серую карточку навыка в базе данных.

«Фотографическая память»: стоимость 365 очков. Мгновенное запоминание любого текста, изображения или сцены, увиденных хотя бы раз, на всю жизнь.

— Теперь тебе не придется ломать голову над тем, как выучить текст или разобрать непонятные иероглифы. Впредь сосредоточься на понимании эмоций и сцен, чтобы игра выглядела живой, а не сухой, как чтение по бумажке.

Глядя на Цинь Цяньцзе, у которого от восторга глаза превратились в узкие щелочки, Юнь Цинъи понял: тот всегда мучился с грамотой и сценариями, хотя и скрывал это, пытаясь компенсировать всё физической силой. Теперь проблема решена раз и навсегда. Благодаря бесчисленным карточкам «Эрудиция» он уже освоил большинство упрощенных иероглифов, так что теперь он не полуграмотный, а вполне образованный современный человек.

— Отдыхай, с завтрашнего дня мы переходим в режим готовности, — Юнь Цинъи похлопал Цинь Цяньцзе по плечу и растворился в его сознании.

Эффект от «Фотографической памяти» был настолько ошеломляющим, что Цинь Цяньцзе даже

забыл, зачем выманивал Юнь Цинъи на разговор. Впрочем, теперь все проблемы были решены, обсуждать стало нечего.

На следующий день.

Чжоу Сяосяо работал в Развлечениях «Красный клён» уже десяток дней, даже без выходных. В аэропорту он впервые после вступления в компанию встретил Лу Жаня и просиял от восторга. Однако Цинь Цяньцзе, отбросив привычную мягкость, с которой они встретились в первый раз, лишь кивнул в знак приветствия и тут же переложил свой огромный чемодан на плечи Сяосяо. Су Чэнь приехал не один, а с еще одним агентом компании.

— Я не смогу постоянно находиться на площадке. Если возникнут важные дела, мне придется уехать, но будь уверен, я постараюсь быть рядом как можно чаще. Это Су Му. Он недавно в компании, но как специалист — выше всяких похвал. Он будет сопровождать тебя на протяжении всех съемок и поможет, если меня не будет рядом.

Цинь Цяньцзе кивнул. Юнь Цинъи предупреждал его, что Су Чэнь не всегда сможет его опекать, поэтому с момента их официальной встречи с Чжоу Сяосяо ему, как Системе, отдыхать стало некогда. Если бы Су Чэнь прислал нормального человека, всё было бы хорошо, но если нет...

Под словом «ненормальный» Цинь Цяньцзе понимал ленивого или нерадивого сотрудника, вечно создающего проблемы. Юнь Цинъи же опасался другого — что это очередной поклонник Лу Жаня, страдающий от безответной любви. Однако, глядя на то, как Су Му ведет себя с Лу Жанем — вежливо, сдержанно, без единого намека на искру в глазах, — он решил, что волноваться пока не о чем.

— Чтение досье Су Му...

Су Му, мужчина, 25 лет, двоюродный брат Су Чэня, будущий звездный агент Развлечений «Красный клён».

Всего пара строк, но в них — всё о связях и способностях. Недаром говорят: у сильного генерала нет слабых солдат. Юнь Цинъи взглянул на ярко-красный уровень опасности Лу Жаня — 75! В душе он взмолился, чтобы после этой картины всё наконец встало на свои места.

Су Му оформил посадочные талоны и передал их Су Чэню и Цинь Цяньцзе. Цинь Цяньцзе спросил:

— А ты? Нас четверо, а билета всего два.

Су Му вздохнул:

— Чэнь Бинь еще не приехал, я должен его дожидаться. Вы с младшим господином Су летите первым классом, мы — экономом, так что пути наши разойдутся. Идите первыми.

Только тут Цинь Цяньцзе узнал, что «золотую клетку» зовут Чэнь Бинь.

— Чтение досье Чэнь Биня...

Чэнь Бинь, 23 года, распутный характер, полное отсутствие моральных принципов...

?? Ты вообще серьезная база данных или как? Что это за описание?!

После прилета Цинь Цяньцзе наконец увидел легендарного «птенчика» Чэнь Биня. Невысокий, метр семьдесят шесть — на полголовы ниже Лу Жаня, кожа фарфорово-белая, нос маленький и аккуратный, глаза персикового цвета, влажные и манящие, пухлые губы — то ли накрашены, то ли такие от природы.

Увидев Лу Жаня и Су Чэня, он тут же подался вперед. Цинь Цяньцзе подумал, что к нему, но Юнь Циньги решил, что скорее всего — к Су Чэню.

Су Му вовремя встал перед Су Чэнем и указал на две машины неподалеку:

— Чэнь Бинь, садись со мной в первую.

Затем он скомандовал Чжоу Сяосю везти чемодан Лу Жаня во вторую машину. В отеле их поселили на одном этаже, разница была лишь в том, что Су Чэнь и Су Му делили люкс, а остальные трое жили в отдельных номерах.

Цинь Цяньцзе, бросив вещи, сразу отправился в конференц-зал отеля на читку сценария. В самолете он еще раз перечитал текст, стремясь с помощью навыка отыграть каждую сцену без единой ошибки. Не успел он занять место, как вошли Сунь Ли и Чжао Цянь.

Сунь Ли представил его исполнителю роли Юнь Бучу — Сяо Фаню. Позже подошел актер на роль третьего плана, Чжао Шан. Чэнь Бинь явился в последний момент, когда читка уже должна была начаться, ведя себя куда важнее любого другого присутствующего. Юнь Циньги пролистал мировую линию: во второй жизни «Бедствия ветра и облаков» исполнители ролей второго и третьего плана остались прежними, изменились лишь второстепенные персонажи, а старые исчезли из-за правок в сюжете. Появление Чэнь Биня означало, что он занял чье-то место, а значит, межличностные связи в группе уже перестроились.

Сунь Ли рассказывал о сценарии, а Юнь Циньги внимательно слушал. Чжао Шан играл

антагониста, главного кукловода всех интриг, который погибал лишь в самом конце. Для Чэнь Биня Сунь Ли отвел роль младшего брата по секте, который из зависти сговаривался с Чжао Шаном и выдавал тому секреты Цинь Цяньцзе, срывая его планы. В финале Цинь Цяньцзе перерезал ему сухожилия на правой руке и выгнал из секты, лишив возможности когда-либо снова взять в руки меч.

Роль была неприятная, но при хорошей игре могла стать звездной. Все боевые сцены ставил сам Цинь Цяньцзе, стремясь к одному: чтобы драки выглядели эффектно и захватывающе.

Первой снимали сцену встречи Цинь Цяньцзе и Юнь Бучу в бамбуковой роще. Сяо Фань вышел в белоснежном халате, подол которого был украшен акварельным рисунком гор и бамбука.

— У тебя что, извращенный вкус? — Юнь Циньби наконец не выдержал.

— Это не ты, не проецируй, — серьезно ответил Цинь Цяньцзе, готовясь к выходу.

Хм...

Как только Цинь Цяньцзе оказался в кадре, Юнь Циньби оценил прелесть навыка: заметки, вбитые ему в мозг, сработали идеально. Движения, углы наклона, взгляд — всё было на уровне инстинктов, словно его тело управлялось не сознанием, а тысячекратной практикой.

Команда мотор! Юнь Бучу прыгнул с дерева, выполнил идеальный «взмах крыльев орла» и перед приземлением нацелил меч прямо в горло Цинь Цяньцзе. Тот поднял саблю, отбил клинок, подпрыгнул и, нанеся удар ногой, тут же перешел в контратаку. Сталь звенела, ни один не уступал. Цинь Цяньцзе прижал саблей меч противника к его же кадыку — до пореза оставались считанные миллиметры.

— Юнь Бучу, сколько лет, сколько зим, с чего вдруг напал из засады?

— Ты меня знаешь? Тем лучше, проиграешь достойно! — Юнь Бучу толкнул меч, и они вновь сошлись в схватке.

— Обязательно выяснять, кто сильнее? — раздался голос Цинь Цяньцзе, спокойный и ровный, без тени волнения.

После короткой паузы Чжао Цянь крикнул:

— Снято!

Сяо Фань забыл слова... Вся сцена прошла под полным контролем Цинь Цяньцзе, а дубли повторяли лишь потому, что Сяо Фань терялся под его напором. Цинь Цяньцзе, нося в кадре

имя персонажа, оставался самим собой, через сценарий заново переживая воспоминания о своей прошлой жизни в мире боевых искусств.

Юнь Цинъи расслабленно присел в сознании Цинь Цяньцзе, наблюдая за горящими взглядами Су Чэня, Сунь Ли и Чжоу Сяосяо — один другого откровеннее.

Едва Цинь Цяньцзе вышел из кадра, Чжоу Сяосяо подбежал к нему с кружкой:

— Брат Лу, выпейте чаю с хризантемами, на улице жарко, освежает.

Цинь Цяньцзе взял кружку и задал первый за эти дни вопрос:

— Привык уже?

— Привык, привык, спасибо, брат Лу, что дали мне шанс.

Чжоу Сяосяо выглядел таким покорным, что его было трудно связать с образом убийцы. Тут подошел Чжао Шан с бутылкой спортивного напитка, открыл ее и протянул Цинь Цяньцзе:

— Попробуй, вкус отличный, восстанавливает силы, нам еще ночные съемки предстоит снимать.

Цинь Цяньцзе вернул кружку Чжоу Сяосяо, отпил из бутылки:

— Неплохо, вкусно.

Чжао Шан потянулся и поправил выбившийся из-под парика клочок волос на виске Цинь Цяньцзе, заодно легонько коснувшись его ушной раковины:

— Скоро нужно будет поправить грим.

Чжоу Сяосяо смотрел, как Лу Жань вернул ему кружку и с аппетитом пил напиток Чжао Шана, и в душе его закипела обида на Су Чэня... Ведь на первом же занятии в «Красном клене» о предпочтениях Лу Жаня Су Чэнь лично предупредил его: «Лу Жань когда-то рекламировал этот спортивный напиток, но потом случился скандал, ты как старый фанат должен знать. Сейчас он не любит такие напитки. В его холодильнике в зале для тренировок стоят запасы, но он ни разу не притронулся. Не покупай ему такое».

После ухода Цинь Цяньцзе Чжоу Сяосяо тайком заглянул в тренировочный зал: холодильник действительно был полон, и ни одна бутылка не была открыта. Но реакция Лу Жаня на напиток от Чжао Шана явно расходилась со словами Су Чэня. Неужели Су Чэнь сам не знал вкусов Лу

Жаня и ввел его в заблуждение?

Похоже, словам Су Чэня нельзя верить безоговорочно...

Одна бутылка спортивного напитка принесла +15 очков изменений. Юнь Циньби, кажется, нащупал верный путь. Посоветовавшись с Цинь Цяньцзе, они решили помучить Чжоу Сяосяо мелкими бытовыми придирками, чтобы посмотреть на его реакцию.

В дальнейшем, когда Чжоу Сяосяо заказывал еду, если рядом был Су Чэнь, он следовал его инструкциям. Если нет — делал по-своему, даже если знал, что Лу Жань это не любит. После нескольких попыток он понял: вкусы у Лу Жаня странные и не такие однозначные, как описывал Су Чэнь. То, что он ел сегодня, завтра могло вызвать отвращение. Например, тушеные баклажаны он съел, а на следующий день отказался от баклажанов с фасолью. Причем не просто отказался, а бросил пару колких замечаний, выплескивая раздражение.

После череды таких выходов Цинь Цяньцзе наконец услышал долгожданное сообщение Системы: Уровень опасности Лу Жаня снизился на 5, теперь он равен 70! Голос системы был электронным, но Юнь Циньби показалось, что в нем сквозит радость.

— Знаешь, что это значит? — спросил Юнь Циньби.

— Чжоу Сяосяо начал отказываться от своей одержимости и пришел в норму? — размечтался Цинь Цяньцзе.

— Психи не приходят в норму так быстро. Он просто начал понимать, что Лу Жань не так идеален, как он себе представлял, и на секунду готов был отступить. Но этот отказ лишь временный, не окончательный, поэтому уровень опасности упал всего на 5!

— Оказывается, этот Чжоу Сяосяо — мазохист! — воскликнул Цинь Цяньцзе.

— Какой еще мазохист? — Юнь Циньби был поражен тем, что Цинь Цяньцзе выдал такой современный термин. База данных тут же подкинула объяснение: мазохист — тип людей со склонностью к самоистязанию, получающих удовольствие от страданий в процессе, не связанных с сексом. Чем сильнее мучение, тем ярче удовольствие.

— Где ты нахватался этих словечек? — Юнь Циньби, прочитав определение, покраснел до корней волос.

— Вчера вместе с Чжао Шаном смотрели аниме, он мне сказал.

— Вы еще даже не начали играть вместе, а уже так сблизились? — Юнь Цинъи был в недоумении. Хотя взгляды Чжао Шана и Сяо Фаня на Лу Жаня были странными, Чжао Шан проявлял навязчивость слишком уж явно, а Цинь Цяньцзе, казалось, ничего не замечал.

— Я главный герой, к тому же мастер боевых искусств, это нормально, что они хотят поучиться у меня. Ты же проверял их досье, там всё чисто. Не волнуйся! — Цинь Цяньцзе, в свою очередь, принялся успокаивать Юнь Цинъи.

— Меньше учи всякую ерунду... — бросил Юнь Цинъи и замолчал.

Сяо Фань после съемок часто приходил к Цинь Цяньцзе репетировать. Обычно они встречались на площадке или в свободном месте, чтобы отработать связки движений, и внешне всё выглядело пристойно. Но стоило начаться съемкам, как взгляд Сяо Фаня менялся, особенно в одной сцене, которую Сунь Ли добавил в последний момент.

Сцена рассказывала о том, как из-за предательства Чэнь Биня Цинь Цяньцзе попал в засаду Чжао Шана и получил ранение, а Юнь Бучу привез его в заброшенный фермерский домик и ухаживал за ним. Цинь Цяньцзе в этой сцене был без сознания: отравленная стрела вызвала кровотечение, которое не останавливалось. Юнь Бучу должен был постоянно вытирать кровь и посыпать раны особым порошком, который замедлял кровотечение, после чего процесс повторялся.

Для удобства процедур Цинь Цяньцзе лежал с распахнутым халатом. В кадре Юнь Бучу в исполнении Сяо Фаня осторожно развязывал окровавленные одежды, обнажая белый, уже пропитавшийся кровью нижний халат. Взгляд Юнь Бучу потемнел, а руки начали «творить бесчинства»:

— Брат Цяньцзе, прошу прощения.

В этой сцене у Цинь Цяньцзе не было ни слов, ни мимики — он просто лежал, «притворяясь мертвым». Юнь Цинъи наблюдал за Сяо Фанем, который с трудом сдерживал себя, постоянно «лапая» Цинь Цяньцзе глазами, и видел, что Сунь Ли вполне доволен.

Неужели современные люди любят подталкивать то, что им нравится, прямо к другим? У Юнь Цинъи возник новый вопрос.

Сцена должна была показать, что у Юнь Бучу появились чувства к Цинь Цяньцзе, которые он не мог выдать, поэтому позволял себе вольности, пока тот был без сознания. Взгляд Юнь Бучу блуждал по телу Цинь Цяньцзе, а пальцы при нанесении порошка слегка касались его кожи. Видя, что тот не реагирует, он действовал всё смелее. Камера стояла далеко, крупных планов не было, но Юнь Цинъи, находившийся рядом, ясно видел подавляемое пламя страсти в его глазах.

— Что ты чувствуешь? — спросил Юнь Цинъи.

— Чувства? Да никаких. Лежать удобно... Что-то не так? — Цинь Цяньцзе закрыл глаза, его лицо оставалось спокойным.

— Ничего, отдыхай.

Сунь Ли жадно смотрел на игру Цинь Цяньцзе и Сяо Фаня, не крича «Стоп». Сцену сняли с первого дубля. После окончания Сунь Ли рассыпался в похвалах Сяо Фаню:

— Брат Сяо, великолепная игра, передал всё, что я хотел!

— Игра на грани дозволенного — это непросто, — ответил Сяо Фань.

— Что за грань? — спросил Цинь Цяньцзе.

— Эмоциональные сцены, нужно показать чувства, но не переходить черту, иначе это будет слишком откровенно, — пояснил Сунь Ли, намекая на проблемы с цензурой.

— М-да... Древние ценили сдержанность, эмоции не должны бить ключом, так что «игра на грани» — это хорошо, — Цинь Цяньцзе решил, что речь идет о братской дружбе, которая не должна выглядеть приторно.

Цинь Цяньцзе демонстративно игнорировал Чжоу Сяосяо несколько дней, но тот не менялся. В тот же вечер, когда была снята эта сцена, Чжоу Сяосяо постучал в номер Цинь Цяньцзе.

— Брат Лу, мне нужно с вами поговорить, — пробормотал он, стоя у двери.

Цинь Цяньцзе приподнял бровь: прогресс!

— Заходи, — сказал он, мысленно позвав Юнь Цинъи: — Твоя очередь?

— Ладно...

Чжоу Сяосяо, вошедший вслед за Цинь Цяньцзе, опустил голову и не заметил, как походка Лу Жаня, который сделал короткую паузу, слегка изменилась.

— Присаживайся, — небрежно бросил Юнь Цинъи.

Чжоу Сяосяо сел на край кровати, а Юнь Цинъи слегка нахмурился, придвинул стул и сел напротив:

— Что случилось?

— Брат Лу, зачем вы согласились на эту роль? — Чжоу Сяосяо набрался смелости и посмотрел на Лу Жаня.

— У тебя есть возражения? — Юнь Цинъи говорил тихо, но тон был недобрым.

— Этот сериал может испортить ваш имидж... — Чжоу Сяосяо осекся, увидев холодное лицо Лу Жаня, но потом выпалил на одном дыхании: — Сценарий откровенно спекулирует на теме однополрой любви. Если вы сниметесь, как потом...

— Чжоу Сяосяо, если я не ошибаюсь, Су Чэнь нанял тебя моим ассистентом, верно? Не наставником? Сейчас однополые браки разрешены, так что твои предрассудки — это забота обо мне или твои личные тараканы? — Юнь Цинъи смотрел на него, и выражение его лица становилось всё холоднее.

— Брат Лу, в моих глазах вы идеальны, и я не хочу, чтобы вы запятнали свою репутацию! — Чжоу Сяосяо отчаянно защищал свои невысказанные мысли.

— Пятно? Что такое пятно? То, что я могу испытывать чувства к кому-то — это пятно? Это мое пятно или твое? Чжоу Сяосяо, я дал тебе шанс, потому что увидел твой интерес к индустрии, но это не значит, что ты имеешь право вмешиваться в мою личную жизнь и работу. Какие сериалы снимать, а какие нет — решает Су Чэнь, а не ты.

Юнь Цинъи хотел вытряхнуть из Чжоу Сяосяо всю эту грязь, чтобы посмотреть, сдастся он или окончательно сойдет с ума. Иногда лучше вывести человека из себя, чем пытаться быть добрым.

— Решает Су Чэнь? Вы так его слушаетесь? А он точно желает вам добра? — стоило упомянуть Су Чэня, как эмоции Чжоу Сяосяо накалились.

Су Чэнь не только давал ему ложную информацию, но и полностью монополизировал время Лу Жаня! Раньше, когда Су Чэнь был рядом, Чжоу Сяосяо не мог сблизиться с Лу Жанем. Сегодня он пришел лишь потому, что Су Чэнь уехал в компанию по срочным делам, иначе тот наверняка был бы с Лу Жанем.

Тук-тук-тук...

В дверь постучали. Чжоу Сяосяо замер: кто это может быть, если Су Чэнь уехал?